

	Rossiiskaia istoriia. 2013-2022
	ISSN 0869--5687
	URL - http://russian-history.ru
	All right reserved
Issue 5 Volume . 2021	

Rec. ad op.: V.N. Kozlyakov. Smutnoye vremya v Rossii nachala XVII veka. Moscow, 2021

Konstantin Erusalimskiy

*Russian State University for the Humanities
Russian Federation, Moscow*

Abstract

Keywords list (en):

Date of publication: 19.10.2021

Citation link:

Erusalimskiy K. Rec. ad op.: V.N. Kozlyakov. Smutnoye vremya v Rossii nachala XVII veka. Moscow, 2021 // Rossiiskaia istoriia. – 2021. – Issue 5 С. 214-221 . URL: https://russian-history.ru/s086956870016608-9-1/ DOI: 10.31857/S086956870016608-9

¹ Монография о Смутном времени продолжает серию исследований и исторических биографий Вячеслава Николаевича Козлякова, посвящённых драматичным событиям рубежа XVI и XVII вв.¹ В своей новой работе (во многом дополняющей его же работу 2007 г.)² автор поставил задачу пересмотреть основные вехи Смуты с учётом новейших достижений историографии. После основного повествования первой части книги, охватившего период от времени правления Ивана Грозного до избрания Михаила Романова на царство, во второй части приведены очерки, главным образом касающиеся событий 1612 г. и общих проблем изучения Смутного времени в России. Один из них посвящён видному специалисту по истории данной эпохи А.Л. Станиславскому. Книга не нацелена на создание генеральной новой концепции. Её задача состоит скорее в том, чтобы связать известные в науке события с наработками наших дней, увидеть новые горизонты знания и отреагировать на недавние дискуссии. Новации в подходе к Смутному времени в книге Козлякова заметны, они позволяют многое в тех событиях увидеть в новом свете.

² На фоне исследований В.И. Ульяновского, А.В. Лаврентьева, Б.А. Успенского, А.А. Булычева, А.Л. Баталова своевременное появление в обобщённой работе о Смуте значительных сюжетов, посвящённых религиозности, символизму, ментальностям. Планы

Бориса Годунова воздвигнуть в Кремле Святая Святых (храм, посвящённый Воскресению Христову, название которого апеллировало к ветхозаветному храму Соломона и к Гробу Господню), строительство Лжедмитрием I – возможно, из материалов недоделанного храма царя Бориса – своего дворца, императорский титул того же Лжедмитрия и идея общехристианского похода против Османской империи, проект создания университета в России, страшные для современников видения и знамения, портретные изображения царствующих особ, выплаты шведам из рати кн. М.В. Скопина-Шуйского денег из переплавленных фигур апостолов для того же недостроенного храма, сочинения патриарха Гермогена, кн. Ивана Хворостинина или Авраамия Палицына рассматриваются не только как «отражения реальности» или «мир фантастического», а как часть исторической реальности, нередко в годы Смуты оказывавшей определяющее влияние на ход событий.

3 Исследователь признаёт, преодолевая тягу к метафизическим и детерминистским конструкциям, немалую роль исторической случайности. Опричнина не предопределялась каким-либо ходом исторического развития. Не была закономерностью и смерть царевича Дмитрия. Никто не предопределил отсутствие потомства у царя Фёдора Ивановича. Однако в последующих событиях также оказалось немало непредсказуемых поворотов, число которых росло по мере вплетения страны в клубки неопределённости. Своевременный приход к Лжедмитрию I донских казаков под Чернигов и опоздание тогда же посланного Борисом Годуновым войска кн. Н.Р. Трубецкого и П.Ф. Басманова – это, как пишет автор, малозаметный поворотный момент истории, «когда выбор дальнейшего пути всей страны зависит от случая» (с. 90–91). Таких «случайностей» и стечений обстоятельств в дальнейшем становилось всё больше именно потому, что открытые структуры легитимности и волевые решения частных лиц занимали непривычно значительное место в масштабных событиях, а само понятие «события» требует иной оптики, потому что исторический процесс в этот период точнее представить из перспективы гражданского противостояния, а не солидарных решений.

4 Как показывают работы Козлякова, исследователю Смуты приходится отказываться и от привычного взгляда на политическую историю России. Одна из самых популярных для монографических опусов эпоха «главной личности» в российской истории непривычно сменяется периодом, когда у власти оказываются слабые политики, претенденты и женщины. Ценными открытиями в этой области исследователь делится, когда описывает роль в событиях Смуты цариц. Передача власти в 1598 и 1605 гг. была невозможна без решений Ирины Годуновой (причём как о пострижении в монахини, так и уже в качестве монахини – о её согласии на участие брата в выборах на российский престол) и Марфы Нагой (как в качестве названной матери царя, так и его соправительницы в Вознесенском монастыре Кремля). После смерти Бориса Годунова власть фактически перешла к царице Марии Григорьевне, и от её решений (и, конечно, её окружения) зависел исход борьбы с «царевичем Дмитрием Ивановичем» на юге и во всем государстве. Коллизии последующей истории невозможно понять вне тех решений, которые принимали Марфа Нагая, поменявшая своё мнение о «сыне», и действующая царица Марина Мнишек, принявшая Лжедмитрия II в качестве мужа, тем самым признав его тождество с Лжедмитрием I.

5 Благодаря книге Козлякова, всё отчётливее выявляется роль Земских соборов. Помимо хорошо известных общих собраний, на которых принимались решения о возведении Бориса Годунова, Василия Шуйского и Михаила Романова, сегодня обсуждаются и другие подобные мероприятия. Собор после смерти царя Бориса Фёдоровича, на котором целовали крест царице Марии Григорьевне, царю Фёдору Борисовичу и царевне Ксении Борисовне, как считает исследователь, был только «видимостью» (с. 109). Ещё одно «подобие земского собора» относится к июню-июлю 1605 г., когда самозванный Дмитрий Иванович решал судьбу кн. В.И. Шуйского (с. 131). Собор, несомненно, нарекал позднее царём того же Василия Шуйского в Москве у Лобного места, хотя и в данном случае, по словам исследователя, важен был эффект всеобщего решения, тогда как и в самой Москве «многие даже не знали, что происходит наречение нового царя» (с. 182–186, 188). Собор, возможно, с элементами государственного переворота сопровождал подготовку к выступлению царя Василия Ивановича из Москвы после поражения войска под Калугой в мае-июне 1607 г.

(с. 212–214). Острый момент в стане Василия Шуйского наступил в июле-августе 1609 г., когда наёмники шведского короля отказались продолжать боевые действия до передачи Корелы и выплаты жалованья – по этому вопросу потребовалось «подобие земского собора» в Москве (с. 267). Подобие собора имело место при присяге тушинских бояр и рыцарства Сигизмунду III Вазе 29 декабря 1609 г. (с. 303). Ссылки на решения «всей земли» стали общим местом после сведения Василия Шуйского с престола в 1610 г. (особенно после приговора Первого ополчения 30 июня 1611 г.). И пиком освободительной истории был Земский собор 1613 г. Скепсис самого же автора в отношении части из названных в книге соборов вполне оправдан. Труднее оценить соборные заявления Василия Шуйского в 1606 г. К ним царь возвращался неоднократно и вряд ли воспринимал их как чистую формальность (ср. на с. 187, 290–291, 299). Нет ясности и с политическим значением «уложенной грамоты» Михаила Романова – соборная практика сохранила своё значение в первые годы правления юного царя и вряд ли обязательства царя и «земли» не были взаимными.

6 Весьма значительны наблюдения учёного за сословной структурой России Нового времени³. С эпохой Смуты и её кануном связывается в науке начало закрепощения крестьянства. Как показывает исследователь, приводя новые интерпретации и опровергая мнения коллег, в этой области многие вопросы остаются нерешёнными и спорными. Козляков доказывает, что частичное восстановление Юрьева дня в 1601–1602 гг. было попыткой власти спасти зависимых людей детей боярских от вымирания.

7 Определяющая роль в событиях Смуты принадлежала служилым людям и казачеству. По отношению к последнему новые рубежи знания открыты в работах Станиславского. Казачество складывалось в военную силу накануне и во время Смуты, события которой укрепляли их ряды и создавали двойственный, но для многих притягательный образ свободных воинов на государственной службе. В то же время дворянские корпорации сформировали свои локальные оплоты, сумевшие не только отстоять в «войне всех против всех» интересы «служилых городов», но и выставить к концу Смуты оказавшие определяющее влияние на служилый класс консолидированные требования на Земских соборах. Это очевидно уже в движении рязанских детей боярских во главе с Прокопием Ляпуновым, в деятельности сына боярского из Епифани Истома Пашкова во время восстания И.И. Болотникова, но особенно ярко – начиная с осени 1608 г., когда служилые города начали выбирать между Лжедмитрием II и Василием Шуйским.

8 Впервые в таком значительном объёме, во многом вслед за исследованиями Ю.М. Эскина, А.П. Павлова и И.О. Тюменцева в данной области, учтена история придворных иерархий и местничества. Именно местническое неприятие зятя С.Н. Годунова кн. А.А. Телятевского позволило осуществить, по сути, военный переворот в армии Фёдора Борисовича Годунова под Кромами в мае 1605 г. (с. 113–115). Местнический счёт влиял и на матримониальную политику Лжедмитрия I в отношении кн. Ф.И. Мстиславского и кн. В.И. Шуйского (с. 162), и на рост напряжённости в стане защитников Василия Шуйского после битвы за Брянск в начале 1608 г. (с. 230), и на разделение элит в годы правления Василия Шуйского между Москвой и Тушинским лагерем, и на выступление кн. А.В. Голицына против окольничества, пожалованного королём Сигизмундом III И.Н. Ржевскому (с. 317, 350), и др. Позднее обновлённый местнический счёт оказывал определяющее влияние на стабилизацию Государева двора в конфликтах периода правления Михаила Романова, когда определялись придворные группировки и кланы (с. 487–493). Благодаря местническим делам осуществлялось давление на Ф.Н. Романова и его родственников при Борисе Годунове, а также на Б.Я. Бельского, позднее – на кн. Д.М. Пожарского и на родственников «изменников» эпохи Смуты – Салтыковых, князей Трубецких и др. (с. 440–441).

9 После работы Козлякова вряд ли возродится гиперкритический подход к политическому выбору Боярской думы летом 1610 г., когда решался вопрос, оставаться при Лжедмитрии II или договариваться о вступлении на трон Владислава Жигимонтовича. Выбор в пользу королевича Владислава, конечно, был сложным и драматичным решением, которое представлялось московской знати и детям боярским в части регионов Российского царства спасительным и невольно запустило целый комплекс процессов, обернувшихся выходом

страны из политического кризиса. Возрождение концепции Смуты С.Ф. Платонова на этом уступает, впрочем, другим аргументам, в частности А.Л. Станиславского и Р.Г. Скрынникова, решившихся выразить назревавший ещё в работах Ю.В. Готье, С.Г. Томсинского, Н.Е. Носова и В.Н. Бернадского взгляд на события Смуты как на гражданскую войну. В этой войне «народные» массы, как и «правительственные» силы, боролись за суверенитет; казачество же было не мятежной «вольницей», а одной из политических сил вплоть до выборов царя Михаила Романова. Первое же ополчение в историографии нередко воспринимается как дворянско-казацкое в противовес всенародному Второму ополчению (дискуссия в книге Козлякова на с. 503–507, 514–516).

10 Сегодня можно считать доказанным, что «люди Смутного времени» не занимали сторон раз и навсегда, а роли их причудливо менялись. Падение Тушинского лагеря не прошло бесследно как для сторонников королевича Владислава, так и для ополченцев, дав надежды на трон кн. В.В. Голицыну и Я.-П. Сапеге, приведя к власти кн. Д.Т. Трубецкого, Ф. Андропова, М.Г. Салтыкова, подарив перспективы лидерства Ф.Н. Романову, а затем повлияв и на выбор его сына Михаила на российский престол. При этом царь Дмитрий Иванович, как известно, вновь восстал из мёртвых в образе «воровского царя Сидорки», который, как и сын Марины Мнишек Иван, прочертил линию разлада между Первым и Вторым ополчениями (хотя последнее из них почти сразу стало выступать от имени обеих ратей, в том числе в рассылаемых по стране грамотах и посольствах). Ясно и то, что политическим ориентиром Второго ополчения стал главный соперник короля Сигизмунда III шведский король Карл IX. В отношении ополченцев с кремлёвским гарнизоном это вносило непреодолимую непримиримость. И этот же фактор стал определяющим в расколе между лидерами обоих ополчений и казачеством (которое требовало государя из местных родов) после занятия ими Москвы в ходе подготовки избирательного Земского собора. Впрочем, казачество не было единой силой в этих событиях (с. 506).

11 Насыщенный интерпретациями язык книги иногда не выдерживает множества факторов, которые приходится учитывать. Расправа Лжедмитрия I с Шуйскими, как полагает автор, «прекратила всякие опасения» его и его сторонников, что кн. В.И. Шуйский «станет разоблачать самозваного царя» (с. 133). Это – сомнительное объяснение как самой показательной казни и столь же картинного помилования Шуйского в июне 1605 г., так и расстановки сил в майских событиях 1606 г. Вряд ли Василий Шуйский знал намного больше, чем кн. Фёдор Мстиславский и Филарет Романов, которых Лжедмитрий не только не преследовал, но и возвысил. Тем более что сам царь Дмитрий признавался Яну Бучинскому, что в деле Шуйских стремился показаться своим подданным милостивым царём, а не тираном (с. 153).

12 Впрочем, отношения царя Дмитрия с Боярской думой остаются под большим вопросом в связи с лакунами в дошедших до нас источниках, из-за которых и логика повествования Козлякова скорее предположительная, чем утвердительная. Мы не знаем, насколько широким был заговор, приведший царя к гибели, и можем только догадываться, готовился ли он задолго до восстания. Предметом споров остаётся и вопрос о том, насколько многочисленные источники, созданные уже после гибели Самозванца, отражают прижизненные представления его российских современников. Трудно вписать в общую схему конфликта между царём и Боярской думой, например, такие факты, как переговоры Ивана Безобразова ещё в начале 1606 г. с польским королём о возможном смещении Дмитрия с престола, информацию перебежчиков Хрипуновых о готовящейся мести короля самозванцу или информированность Юрия Мнишека о готовящемся восстании в Москве против его зятя. Да и польские послы были крайне недовольны поведением московского царя и видели его вину в событиях 17 мая 1606 г.

13 Можно было бы попенять автору, что по мере углубления в Смуту его оценки участников событий становятся всё более полярными и драматично-окрашенными. Говорится, например, о «чудовищно фальшивом гриме» в самоидентификации Лжедмитрия II с царём Дмитрием Ивановичем (с. 231, 244, 280). Сторонникам второго Самозванца приписано губительное для них и для их предводителей «желание завоевать сразу много городов и уездов» (с. 263), а о кн. М.В. Скопине-Шуйском говорится, что он

поплатился жизнью за то, что «потревожил опричные тени» (с. 284). Позиция подканцлера Короны Польской Феликса Крыйского в отношении Московского государства на сейме 1611 г. почему-то названа политикой «двойных стандартов» (с. 309). Лидерам Первого ополчения вменено, что те «стали думать больше о собственных интересах, чем об общем земском деле, ради которого они пришли под Москву» (с. 338, 340, 342). При этом созыв Второго ополчения напоминает автору «историю Жанны д'Арк» (с. 365).

14 В целом, противники Василия Шуйского, а затем ополчений (обоих или трёх, с учётом рати кн. А.А. Репнина и А.С. Алябьева) изображены несколько безжизненно, они будто бы почти ничем не мотивированы, кроме наживы и властолюбия. Повествование заметно поменяло бы оттенки смыслов, если бы актёрство Самозванца было осмыслено как таковое – как востребованная и приемлемая роль, с которой приходилось мириться не только формально подчинённым ему польско-литовским воинам, но и его названной жене Марине Мнишек, и многим высшим сановникам государева двора в Тушино, принявшим его за царя Дмитрия Ивановича. На фоне предположений Козлякова о любви Василия Шуйского к перебежчикам и даже двойным перебежчикам напрашивается мысль, что юные «перелёты», в первую очередь стольники из придворных семейств, шли на сторону нового Самозванца с молчаливого согласия царя Василия или даже в его интересах (с. 244–245).

15 В то же время нижегородское сопротивление и по форме, и по своей сути было движением, сопоставимым с шляхетскими конфедерациями, угрожающими стабильности государственного порядка. Небесспорно в приложении к героям повествования звучат некоторые характеристики, почерпнутые из сочинений публицистов и иноземных свидетелей эпохи Смуты. Например, высокие оценки Годуновых в трудах Джерома Горсея, Исаака Массы, кн. Ивана Катырева-Ростовского – все названные, конечно, не могли не восторгаться Годуновыми. Менее охотно Козляков принимает оценки Лжедмитрия I в сочинениях Станислава Немоевского и того же Массы. Не вызывает согласия оценка отношений Сигизмунда III с Лжедмитрием I. Неоднократно в книге звучит мысль, что король был благосклонен к царевичу (с. 81, 137, 138, 143, 144). Между тем убедительнее звучит версия об использовании царевича королём для дестабилизации обстановки в России на фоне доходящих до Сигизмунда III слухов о матримониальных проектах между Россией и Швецией. Ни о какой особой благосклонности короля к Самозванцу из Московии сведений нет; да и вряд ли тайные договорённости о пропуске кучки добровольцев, не поддерживаемой никем в Москве и состоявшей из эмигрантов-москвитов, казаков и обнищавшей шляхты, без согласия сейма и при нейтралитете короля можно считать проявлением такой милости.

16 Вызывают вопрос некоторые фактические решения автора. В одном случае «во ста первом на десять году» раскрыто как 1601–1602 гг. (с. 63), тогда как речь идет о 1602–1603 гг. (слухи о контрабандной торговле З.П. Ляпунова с Доном). Ещё одно спорное решение – «пол осма милеона» в сноске поясняется как «750 000 рублей» (с. 157), а это всё же – 7 млн 500 тыс. (речь идёт о предполагаемых тратах Лжедмитрия I). Неразбериха коснулась и рассказа о конце 1609 – начале 1610 г.: многие указанные здесь события, датированные 1609 г., на самом деле относятся к 1610 г. (с. 280–283). Чья-то забывчивость при подготовке книги (говорится о выделении шрифтом, но сам шрифт не изменён) лишила читателя возможности понять, в чём же отличие между редакциями крестоцеловальной записи Первого ополчения (с. 336). Статус Новгорода в глазах шведских властей по договору 11 июля 1611 г. всё же невозможно сопоставить с положением Великого княжества Литовского в составе Речи Посполитой, поскольку Люблинская уния создала федеративное государство, чего не предусматривал «новгородско-шведский альянс» (с. 348).

17 Нерешёнными остаются многие частные вопросы, прописанные в книге со всей детальной тонкостью, но не раскрытые из-за нехватки или неразрешимой противоречивости источников. Неясно (даже после долгих дискуссий второй половины прошлого века), какими путями двигались к Москве летом-осенью 1606 г. сторонники И.И. Болотникова и ещё не явленного вновь царя Дмитрия Ивановича, когда именно «после Покрова» пришли под стены столицы и как датировать Коломенскую битву с болотниковцами ноября-декабря того же года. Своя гипотеза, вполне убедительная по аргументации, позволила Козлякову датировать

мятеж кн. Р.И. Гагарина и других придворных лиц против царя Василия Шуйского декабрём 1608 г., а выступление патриарха Гермогена 25 февраля 1609 г. считать отдельным событием, направленным на примирение сторонников царя Василия Ивановича. Неясно, какая дата (25 или 29 мая 1611 г.) была крайней для явки в Первое ополчение; когда именно перед нижегородцами впервые выступил со своей легендарной речью Кузьма Минин; когда соборные старцы Троице-Сергиева монастыря возили обращение монастырских властей к кн. Д.Т. Трубецкому и кн. Д.М. Пожарскому; какого числа открылся Земский собор 1613 г. Что же касается национального праздника наших дней, то исследователь занимает недвусмысленную позицию: в 1612 г. 22 октября приходилось на 1 ноября по григорианскому календарю, это был день штурма Китай-города казаками кн. Трубецкого, а вовсе не день победы ополченцев над кремлёвским гарнизоном. В наши же дни 22 октября приходится на 4 ноября, когда в православной Церкви празднуется день Казанской иконы Божией Матери, список которой заказал кн. Пожарский во время пребывания его ополчения в Ярославле. Лишь отчасти подтверждается источниками легендарный подвиг Ивана Сусанина: спорны и время его гибели, и сами обстоятельства (скорее не болото, а казнь на пыточном столбе). От решения этих и подобных спорных вопросов зависят существенные детали в понимании событий Смуты, однако обязанность историка оставлять открытыми те вопросы, на которые источники ответов не дают. И в этом смысле также книга В.Н. Козлякова – ценное слово на предельных рубежах наших знаний.

Remarks:

1. *Козляков В.Н.* Михаил Фёдорович. М., 2004; Изд. 2. М., 2010; *Козляков В.Н.* Марина Мнишек. М., 2005; Изд. 2. М., 2018 (пер. на польск. яз. изд. в 2011 г.); *Козляков В.Н.* Василий Шуйский. М., 2007; *Козляков В.Н.* Лжедмитрий I. М., 2009; *Козляков В.Н.* Борис Годунов. М., 2011; Изд. 2. М., 2017; *Козляков В.Н.* Герои Смуты. М., 2012; *Козляков В.Н.* Царица Евдокия, или Плач по Московскому царству. М., 2014.

2. *Козляков В.Н.* Смута в России. XVII век. М., 2007. Основная часть обсуждаемого далее издания состоит из перепечатки данной работы, к которой добавлен небольшой вводный раздел о новейшей историографии проблемы, но удалена приведённая в издании 2007 г. «Утверждённая грамота» Михаила Романова 1613 г. Впрочем, ей посвящены специальные разделы в книге: *Козляков В.Н.* Московское царство. СПб., 2019. С. 163–193.

3. Об этом см. расширенное и дополненное новыми материалами переиздание докторской диссертации исследователя: *Козляков В.Н.* Служилые люди России XVI–XVII веков. М., 2018. См. также: *Лантева Т.А.* Эволюция служилого «города» // Сословия, институты и государственная власть в России: (Средние века и раннее Новое время): Сборник статей памяти академика Л.В. Черепнина. М., 2010. С. 684–693.

References:

1. Kozlyakov V.N. Boris Godunov. М., 2011. Изд. 2. М., 2017.
2. Kozlyakov V.N. Vasilij Shujskij. М., 2007.
3. Kozlyakov V.N. Geroi Smuty. М., 2012.
4. Kozlyakov V.N. Lzhedmitrij I. М., 2009.
5. Kozlyakov V.N. Marina Mnishek. М., 2005. Изд. 2. М., 2018 (per. na pol'sk. yaz. izd. v 2011 g.).
6. Kozlyakov V.N. Mikhail Fyodorovich. М., 2004. Изд. 2. М., 2010.
7. Kozlyakov V.N. Tsaritsa Evdokiya, ili Plach po Moskovskomu tsarstvu. М., 2014.
8. Kozlyakov V.N. Moskovskoe tsarstvo. SPb., 2019. S. 163–193.
9. Kozlyakov V.N. Sluzhilye lyudi Rossii XVI–XVII vekov. М., 2018.
10. Kozlyakov V.N. Smuta v Rossii. XVII vek. М., 2007.

11. Lapteva T.A. Ehvolyutsiya sluzhilogo «goroda» // Sosloviya, instituty i gosudarstvennaya vlast' v Rossii: (Srednie veka i rannee Novoe vremya): Sbornik statej pamyati akademika L.V. Cherepnina. M., 2010. S. 684–693.

Рец. на: В.Н. Козляков. Смутное время в России начала XVII века. М.: Квадрига, 2021. 556 с.

Ерусалимский Константин Юрьевич

Российский государственный гуманитарный университет

Российская Федерация, Москва

Аннотация

Ключевые слова:

Дата публикации: 19.10.2021

Ссылка для цитирования:

Ерусалимский К. Ю. Рец. на: В.Н. Козляков. Смутное время в России начала XVII века. М.: Квадрига, 2021. 556 с. // Российская история. – 2021. – Выпуск 5 С. 214-221 .

URL: <https://russian-history.ru/s086956870016608-9-1/> DOI: 10.31857/S086956870016608-9